

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск I

РУССКАЯ АРМИЯ В ЭПОХУ ЦАРЯ ИВАНА IV ГРОЗНОГО
Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны

ЧАСТЬ II

ДИСКУССИЯ

Выпуск II

Санкт-Петербург

2013

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюрёнок

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меньшиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/сpec_1>

© www.milhist.info

© Пенской В.В.

MILHIST

INFO

Пенской В.В. Заметки на полях статьи «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны»

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2013/09/30/penskoy_5

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. Заметки на полях статьи «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. II. Дискуссия. Вып. II. — С. 128-139
<http://www.milhist.info/2013/09/30/penskoy_5> (30.09.2013)

www.milhist.info

2013

**ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ СТАТЬИ
«КОННОСТЬ, ЛЮДНОСТЬ И ОРУЖНОСТЬ»
РУССКОЙ КОННИЦЫ В ЭПОХУ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ»**

История русского военного дела XVI в., к сожалению, не относится к числу тем популярных и оттого хорошо разработанных в историографии отечественной, а тем более западноевропейской, вторичной в этом и многих других вопросах русской истории по отношению к российской. Потому инициативу редакции молодого санкт-петербургского электронного военно-исторического журнала «История военного дела: исследования и источники» подготовить сборник материалов по истории русского военного дела эпохи Ивана Грозного можно только всячески приветствовать и поддерживать, что и было сделано рядом отечественных историков, давно и плодотворно занимающихся изучением русского военного дела XVI в.

Одним из ведущих специалистов в этом вопросе является О.А. Курбатов, работы которого хорошо известны каждому, кто всерьез интересуется русской военной историей XVI–XVII вв.¹ Его новая статья «Конность, людность и оружность русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг.», размещенная в этом выпуске журнала², представляет серьезный шаг вперед в деле изучения одного из наиболее дискуссионных вопросов истории военного дела времен Ивана Грозного. Внушительное по объему и количеству привлеченных к его написанию источников, в том числе и прежде всего архивных, ранее не использовавшихся историками, новое исследование О.А. Курбатова, надеемся, не останется незамеченным и послужит толчком к выходу дискуссии вокруг характера службы русской поместной конницы XVI в. на новый, более высокий уровень.

Свое исследование О.А. Курбатов предварил постановкой проблемы и краткой характеристикой ее историографии. Он выделил две основные линии в ее изучении, условно — середонинскую и черновскую, которые «сохраняют свою актуальность в построениях историков — в первую очередь, не оспаривается сам принцип подсчета, прямая зависимость числа вооруженных холопов от размера поместья»³. Вместе с тем, подчеркнул автор статьи, на сегодняшний день накопился целый ряд вопросов, связанных прежде всего с тем, насколько реальна была зависимость службы детей боярских от размеров их земельного оклада. Указанные вопросы не находят удовлетворительного объяснения в рамках двух этих концепций, считает О.А. Курбатов. Чтобы обосновать этот тезис, дальше исследователь предпринял ревизию имеющихся в нашем распоряжении источников по проблеме, на основании чего сделал ряд оригинальных, заслуживающих внимания выводов.

Прежде всего интересна предложенная автором статьи реконструкция списка и формуляра служебной и поместной документации, их взаимосвязи и эволюции на протяжении первой половины XVI в., в частности, знаменитых десятиен, о которых еще со второй половины XIX в. сломано немало копий. Сопоставление имеющихся в распоряжении историков материалов позволило исследователю сделать любопытный и необычный, в сравнении с прежними подходами, вывод о том, что к середине XVI в. в Русском государстве сложилось две системы содержания детей боярских — поместно-вотчинная и денежно-кормленая. Первая, по мнению О.А. Курбатова, функционировала преимущественно «на стратегически важных направлениях, например, в разряде «Новгородских городов», уездах «от литовской украины» и на южных рубежах»⁴. Здесь порядок службы детей боярских, главным образом — мелкопоместных, регулировался прежде всего при помощи так называемых «явчих списков». Вторая система содержания, как считает автор статьи, была основной. Размер государева жалованья и кормлений, с его точки зрения, определялся «местом» служилого в служебной лестнице того «города», к которому он был приписан. Контроль за службой и выдачей жалования

осуществлялся в этом случае через десяти/«служебные книги», которые историк полагает синонимами⁵. Сами же «десятни первой половины XVI в. были построены по принципу размера денежного оклада»⁶. Суть реформы 1556 г. заключалась, по мнению исследователя, в том, чтобы «превратить практику контроля за исправной личной службой самих помещиков по «явчим спискам» в контроль за всей их «конностью, людностью и оружностью» по новым «уложенным» нормам» в соответствии с поместным окладом⁷.

Далее О.А. Курбатов, проанализировав сохранившиеся тексты десятиен времен Ивана Грозного и их отрывки, пришел к выводу, что в начале 70-х гг. XVI в. была осуществлена очередная серьезная реформа, коснувшаяся как требований к «конности, людности и оружности» служилых людей, так и к порядку оценки годности детей боярских к несению службы⁸. И если реформа 1556 г., как считает автор статьи, заключалась в том, чтобы привести в соответствие «конность, людность и оружность» и размер поместных окладов, причем эта прямая зависимость (больше поместный оклад — выше и требования к «конности, людности и оружности») была распространена не только на членов Государева двора, но и на рядовых детей боярских провинциальных «городов», то теперь произошло продиктованное объективными обстоятельствами (массовым разорением мелко- и среднепоместных детей боярских) возвращение к прежней системе оценки служебной пригодности — в зависимости от размеров получаемого денежного жалования.

Таким образом, изучив имеющиеся источники, О.А. Курбатов предложил новую трактовку эволюции оценки служебной пригодности детей боярских на протяжении большей части XVI в., которая выглядит достаточно убедительно и правдоподобно. Соглашаясь в целом с предложенной исследователем картиной, тем не менее, в процессе внимательного прочтения, возникли некоторые вопросы, суть которых изложена ниже.

Прежде всего остановимся на предложенной О.А. Курбатовым трактовке существовавшей в первой половине XVI в. системы оценки служебной

пригодности московских ратных людей и источниках, позволяющих судить о ее характере.

Для начала рассмотрим приведенное автором статьи свидетельство Постниковского летописца. Соглашаясь с его оценкой летописной фразы как чего-то из ряда вон выходящего, почему случившийся факт сбора людей «в полк» по принципу «кто сколько возмог дати» и попал в записки дьяка, отметим, что, по нашему мнению, это экстраординарное событие произошло из-за случившегося годом ранее «крымского смерча». Во время нашествия Мухаммед-Гирея I неприятель «...много монастырев пожар и сел и много посече и поплени по Рязанской земли и по Коломенской земли и сюды к Москве, и много зла учинил, а в полон поймал бояр и боярынь и княгинь и детей боярских и крестьян велми много поймал, а по всем городом Московским осада была...», а Вологодско-Пермская летопись к этому добавляла, что разорению подверглись «...Коломенские места, и Коширские, и Боровские, и Володимерьские (то есть получается, что отдельные татарские отряды проникли далеко к северо-востоку от Москвы. — В.П.), и под Москвою повоеваша»⁹. Перед этим же крымское войско под Коломной нанесло жестокое поражение полкам Василия III. Отсюда и вопрос — после учиненного татарами погрома и разорения могли ли служилые люди выступить в поход, как и прежде, «конно, людно и оружно» в соответствии с обычаем и установившейся традицией? Можно ли в таком случае вести речь о каком-либо нововведении? Очевидно, что нет — в преддверии нового набега великий князь был бы только рад, что на берегу собрались дети боярские хотя бы с немногими людьми полковыми и кошевыми. В этой связи представляется, что данный летописный сюжет если и может служить свидетельством наличия какой-либо нормы выставления послужильцев «в полк», то только косвенно, лишь в силу своей исключительности и неординарности.

Теперь о С. Герберштейне. Безусловно, имперский дипломат, немалое времени проведенный на Москве, источник значимый и авторитетный. Но ведь есть и другие иностранцы, имевшие представление о том, что происходит там.

Вряд ли стоит отбрасывать свидетельство, к примеру, имперского же посланника Франческо да Колло, пробывшего в Москве полгода. Последний, к примеру, сообщал в своем «мемуаре», что московитские воины «воюют не по найму, но из любви, уважения, страха и подчинения, и обильное питание является для них единственной наградой»¹⁰. Поэтому война для московского великого князя обходится дешево, видимо, в сравнении с практикой содержания наемников в той же Империи, Франции или итальянских государствах начала XVI в. Кроме того, как нам представляется, у Герберштейна нет четкого указания на то, что государь жалует своих ратных людей по итогам смотра именно денежным жалованием¹¹. Можно ли полагать использованные имперским дипломатом латинский термин *stipendia* и немецкий *jargelt* именно как исключительно денежную выплату? Во всяком случае, в Великом княжестве Литовском юргельт подразумевал собой не только ежегодные выплаты деньгами, но также сукном, натурой, кормлениями и порой земельными дачами, взамен денежного жалования¹². Кроме того, на наш взгляд, свидетельство посла о том, что московский государь выплачивает детям боярским ежегодно по 6 или 12 рублей надо понимать так, что это касается только тех из них, кто включен в состав великокняжеского двора¹³ и в силу недостаточности размеров поместья или вотчины¹⁴ не может служить с них без дополнительного вспомоществования: «таких лиц, придавленных бедностью, он обыкновенно **ежегодно принимает к себе** (выделено нами. — В.П.) и содержит, назначив им жалованье ...»¹⁵.

В итоге выходит, что при сопоставлении показаний иностранцев картина остается по-прежнему неясной — с одной стороны, денежное жалование вроде бы есть, но кому именно оно выдается, не совсем понятно, то ли всем, то ли только дворянам великого князя, и то захудалым, а зажиточные служат «из любви, уважения, страха и подчинения». С другой стороны, выходит, что для большинства ратников московского государя единственным видом оплаты за службу является «обильное питание». Таким образом, тезис О.А. Курбатова о сосуществовании двух систем оплаты службы детей боярских как будто

подтверждается, но как они соотносятся и сочетаются — однозначного ответа на этот вопрос из свидетельств иностранных наблюдателей не просматривается.

Чем можно объяснить такой разницей в показаниях иностранных наблюдателей? М.М. Бенцианов в своем отзыве на статью О.А. Курбатова высказал предположение, что, возможно, Герберштейн смешал нормы оценки служебной годности, присущие Русскому и Литовскому государствам¹⁶. Согласиться с таким предположением сложно — не настолько поверхностным и несерьезным наблюдателем был имперский дипломат, чтобы спутать литовские и русские обычаи. Но даже если это и верно, то сам факт такого смешения говорит о чрезвычайной схожести этих требований к служилым людям в двух соседствующих государствах — зачатых «друзьях». И тут, кстати, совсем не лишним будет мнение М.К. Любавского, который отмечал в свое время, что «в течение всего XV в. военная служба, отправлявшаяся в Литовско-Русском государстве с имений, не была определена и регулирована никаким общим законом. Каждое имение было обязано своею службою... сообразно установившемуся обычаю или условиям приобретения имения на земскую службу...»¹⁷.

Русское государство в начале XVI в. также напоминало лоскутное одеяло, собранное из множества территорий, достаточно сильно порой отличавшихся друг от друга по своему устройству. Поэтому, на наш взгляд, есть все основания согласиться с мнением М.М. Бенцианова, который, отмечая обособленность новгородской служилой корпорации¹⁸, задал логичный вопрос: насколько приложимы, с учетом особенностей формирования «силы новгородской», тамошние порядки к остальным русским служилым корпорациям? Во всяком случае, летописные свидетельства и материалы разрядных книг позволяют предположить, что в конце XV – начале XVI вв. служба по меньшей мере тверских и рязанских служилых людей регулировалась местными, а не московскими нормами, хотя характер местного законодательства в этом вопросе, насколько нам известно, никем не исследовался. Исходя из этого мы согласны с его замечанием о том, что

«вопрос о возможности распространения сделанных на новгородском материале выводов на всю территорию Русского государства остается открытым»¹⁹.

Литовскую тему применительно к этой проблеме можно и нужно, на наш взгляд, продолжить. Касаясь обычая и нормы сбора ратников «с земли», О.А. Курбатов исходит из того, что точного определения «людности» в первой половине XVI в. на Москве не существовало, и сколько выставлять послужильцев, решал сам служилый человек, основываясь на чисто субъективных соображениях («честь», желание получить дополнительное жалование и пр.)²⁰. При этом исследователь не стал обращать внимания на хорошо известную псковскую норму «разруба» — «с десяти сох человекъ конны»²¹. Конечно, в этом случае можно возразить, что Псков — это особый случай. Но этот псковский «разруб» имеет аналогии с нормами, зафиксированными в законодательстве Великого княжества Литовского в начале XVI в. и, похоже, этот литовский норматив возник не на пустом месте, а юридически закрепил на всей территории княжества некий достаточно широко распространенный ранее в ВКЛ и потому не являвшийся неким абсолютным новшеством обычай²². Следовательно, было бы логичным предположить, что, по крайней мере, в присоединенных при Иване III бывших литовских владениях или тяготевших к Литве землях такой или схожий с ним порядок мобилизации был тем самым обычаем, который Москва рушить не собиралась.

Учитывая отмечаемую исследователями близость военно-политических институтов Литвы и Москвы в начале XVI в.²³, можно считать высокой вероятностью того, что определенные нормы зависимости между размерами вотчины/поместья и количеством выставляемых ратников существовали не только на западе Русского государства²⁴. Тот факт, что введенная «Уложением» Ивана Грозного норма выставления послужильцев была воспринята массой московских служилых людей как должное, косвенно свидетельствует в пользу предположения, что вовсе не был им, детям боярским, «тоть руближ не обычен». Напротив, они были неплохо осведомлены о нем, «и бысть имъ тяжко

вельми» он стал только по прошествии многих лет войны и внутренних неурядиц. Но в таком случае реформа 1556 г. представляется еще более интересной — выходит, предпринимая ее, Иван Грозный и его советники стремясь унифицировать порядок несения службы и оценки служебной пригодности детей боярских посредством приведения существовавших в разных областях Русского государства традиций определения «конности, людности и оружности» к некоему единому знаменателю (любопытно, каково происхождение этого знаменателя?), пошли по пути, проложенному ранее Александром Казимировичем и Сигизмундом I. Осмелимся в качестве предварительной гипотезы высказать предположение, что «знаменатель» этот имел литовское происхождение и стал широко известен после того, как в состав Русского государства были окончательно включены Псков и Смоленск вместе с другими пограничными землями, ранее входившими в состав ВКЛ, а служилые люди Северо-Запада стали привлекаться к регулярному несению «береговой» службы.

И еще одна замечание. В своей статье О.А. Курбатов отмечал, что «при том крайне низком уровне денежного товарообмена, который существовал у русского мелкопоместного хозяйства XVI в., основным источником средств для постоянной закупки лошадей и военного снаряжения могло быть только денежное жалование за службу или кормление»²⁵. Однако, если обратить внимание на духовные грамоты детей боярских, к примеру, первой половины XVI в., то нетрудно заметить, что большинство служилых людей весьма активно занимали и давали в долг коней, доспехи, одежду, деньги, зерно и прочую движимость и недвижимость, причем размах подобных операций порой составлял десятки рублей. Складывается впечатление, что как раз именно эти операции были для них главными источниками средств для снаряжения на государеву службу, а не жалование или кормление, регулярность которых и размеры были явно недостаточны. Во всяком случае, этот вопрос, на наш взгляд, заслуживает специального изучения.

Таковы лишь некоторые пометки на полях статьи О.А. Курбатова, появившиеся после первоначального ее прочтения. Безусловно, тезисы, высказанные исследователем, представляют большой интерес, а предложенная им схема, принятая в качестве рабочей гипотезы, на наш взгляд может послужить неплохой основой для дальнейшей более глубокой и основательной проработки обозначенной ее автором проблемы. Заинтересованное обсуждение этой гипотезы, примером чему может служить упоминавшийся выше отклик М.М. Бенцианова, несомненно, будет только способствовать расширению наших знаний о развитии русского военного дела XVI в.

¹ См., напр., важнейшие, на наш взгляд, его исследования: Курбатов О.А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» (сер. 16 – сер. 17 вв.) // Военная археология. – М., 2011. – Вып. 2. – С. 58–91; Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. – М., 2009. – Вып. 1. – С. 196–227.

² Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558-1583 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Ч. I. Статьи. Вып. II. – С. 236-295 <http://www.milhist.info/2013/08/14/kyrbatov_3> (14.08.2013)

³ Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны. – С. 236–237.

⁴ Там же. – С. 257.

⁵ Там же. – С. 257–258.

⁶ Там же. – С. 249.

⁷ Там же. – С. 259.

⁸ Там же. – С. 280–281.

⁹ Вологодско-Пермская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 2006. – Т. XXVI. – С. 311; Постниковский летописец // Там же. – М., 1978. – Т. 34. – С. 14; Владимирский летописец // Там же. – М., 1965. – Т. 30. – С. 145.

¹⁰ Итальянец в России XVI в. Франческо да Колло. Донесение о Московии. – М., 1996. – С. 60. Кстати, да Колло писал, что в Московии «платою же за доблесть воинов служат одежды, из различного качества материй шелковых и суконных», что перекликается с литовским обычаем выдавать, помимо денег, еще и сукно для служилых людей (Там же. – С. 61). Впрочем, справедливости ради, отметим, что Павел Иовий со слов московского посланника Д. Герасимова записал, что «во время мира из областной казны выдается им (московским служилым людям. – В.П.) известное, **весьма** впрочем **незначительное** жалованье (выделено нами. – В.П.)...» (Библиотека иностранных писателей о России. –СПб., 1836. – Т. 1. – С. 55). Оговорка Иовия относительно незначительности выдаваемого жалования, на наш взгляд, довольно примечательная.

¹¹ См.: Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 2008. – Т. I. – С. 240–241.

¹² Из ответа Сигизмунда III на челобитье мозырских пушкарей: «Мы с ласки наше г(о)с(по)д(а)рьское на чоломбитье ихъ то вчинили и того датку каждому з нихъ повышаемъ, то есть: в кождыи рокъ по петънадыцати копъ грошей, по двадъцати бочокъ жита, а на пашъню ихъ по двадъцати и шести моркговъ кгрунту» (Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 44: Кніга записаў 44 (1559–1566). – Мн., 2001. – С. 103). Сравни, напр.: Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кніга 28: Кніга записаў 28 (1522–1552). – Мн., 2000. – С. 130–131; Lietuvos Metrika. Kn. 9 (1511–1518). – Vilnius, 2003. – P. 277; Kn. 12 (1522–1529). – Vilnius, 2001. – P. 258, 298. При этом, что примечательно, юргельт выдается, как правило, наемникам «подлого» происхождения или иностранцам, которым не положены были по их статусу земельные пожалования.

¹³ Кстати, в своем отзыве на статью О.А. Курбатова М.М. Бенцианов отмечал, что «двор великого князя служил отдельно от остальных служилых людей»

(Бенцианов М.М. Отзыв на статью О.А. Курбатова «Конность, людность и оружность русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558—1583 гг.» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2013. – Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. II. Дискуссия. – Вып. II. – С. 116). Логичным было бы предположить, что служба по «особому списку» предполагала и особый же, отличающийся от общепринятого, характер жалования за нее. Но, судя по всему, по «особым спискам» службу несли не только дети боярские двора великого князя.

¹⁴ Процесс дробления и мельчания вотчин на примере военно-служилой корпорации Волока Ламского С.З. Черновым. См.: Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения. – М., 1998. – С. 313–320).

¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. – С. 89.

¹⁶ Бенцианов М.М. Отзыв на статью О.А. Курбатова «Конность, людность и оружность русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558—1583 гг.» – С. 113–114.

¹⁷ Любавский М.К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. – СПб., 2004. – С. 212.

¹⁸ Бенцианов М. М. Дети боярские «Наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург, 2000. – С. 241–242.

¹⁹ Бенцианов М.М. Отзыв на статью О.А. Курбатова «Конность, людность и оружность русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558—1583 гг.» – С. 115.

²⁰ Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны. – С. 252–253.

²¹ Псковская 1-я летопись // Псковские летописи. – М., 2003. – Т. V. – Вып. 1. – С. 81, 84.

²² Литовская метрика. Переписи войска литовского // Русская историческая библиотека. – Пг., 1915. – Т. XXXIII. – Стб. 7. См. также: Акты Литовско-русского государства. – Б.м. Б.г. – Вып. 1. – С. 232.

²³ См., напр.: Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. – М., 1996.

²⁴ На это обстоятельство указывал, к примеру, С.З. Чернов (См.: Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. – С. 88.). Основываясь на духовной Василия Узкого Петрова сына Есипова, датируемой примерно 1528 г. (текст духовной см.: Акты феодального землевладения и хозяйства. – М., 1956. – Ч. II. – С. 91–93), он предположил, что если исходить из размеров вотчины Василия (всего 2160 дес., в т.ч. 664 дес. пашни), то количество выставляемых им ратников в целом укладывается в нормативы «конности, людности и оружности», установленные «Уложением о службе» Ивана Грозного. Следовательно, правительство Ивана IV просто узаконило сложившуюся к тому времени де-факто довольно распространенную традицию (Чернов С.З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. – С. 88).

²⁵ Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны. – С. 237.